

Интервью с Ивой Шмидовой

«СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫМ СОТРУДНИЧАТЬ С КОЛЛЕГАМИ ИЗ РЕГИОНА»: ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОПУЛИЗМ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ЧЕХИИ¹

Интервьюер – Бен Коуп

Ива Шмидова (Iva Šmídová) – чешская социолог, гендерная исследовательница, создательница бакалаврской программы по гендерным исследованиям в Масариковом университете в Брно.

Б.К. Ива, как ты начала заниматься гендерными исследованиями?

И.Ш. Это произошло, когда я училась в Масариковом университете в Брно одновременно по двум программам – по социологии и по английскому языку и литературе. Департамент английского практиковал приглашенные лекции и курсы. Меня заинтересовал курс «Введение в гендерные исследования» (преподавался в 1992 г. на английском языке), потому что все обсуждаемые в нем темы и проблемы были связаны с осмыслением женского опыта. Стоит напомнить, что на тот момент атмосфера в чехословацком обществе была не очень благоприятной для феминизма. Но мне было интересно, почему мы говорим только о женском, если курс называется «Введение в гендерные исследования». И этот очень базовый и простой вопрос спровоцировал мой интерес к исследованию мужчин и маскулинностей. Это было своего рода протестом против концентрации на женском, о чем я заявила посредством своего финального эссе по курсу. И так, через исследования маскулинности и мужского опыта, я постепенно пришла к феминизму и феминистской теории. Это была первая половина 1990-х гг.

¹ Перевод с английского Ольги Сасункевич.

Немного позже я узнала о существовании Гендерной библиотеки в Праге. Создание библиотеки было инициировано социологом Иржиной Шикловой (Jiřina Šiklová), и она изначально размещалась в ее квартире. Иржина была диссиденткой, и еще до 1989 г. она получала книги от исследовательниц и активисток со всего мира. Когда ее коллекция стала слишком большой, чтобы размещаться в частной квартире, Иржина инициировала Библиотеку гендерных исследований, которая чуть позже стала первой НГО в Чехословакии. Эта организация, расположенная в Праге, до сих пор является одной из самых больших и сильных НГО, занимающихся гендерными и женскими проблемами в Чехии.

В любом случае тема маскулинности надолго стала моим основным исследовательским интересом. Мое социологическое образование строилось вокруг нее, моя докторская диссертация и хабилитация были посвящены этой теме.

В 1998 г. департамент социологии в Масариковом университете предоставил мне возможность преподавать свой первый гендерный курс. Это был, насколько мне известно, в принципе первый гендерный курс там. Лишь еще одна преподавательница педагогического департамента факультета гуманитарных наук также предлагала гендерный курс, но только на один семестр. В 1998 г. в результате разделения факультета гуманитарных наук в университете возник новый факультет – факультет социальных исследований, где я до сих пор работаю. Костяк этого нового факультета был сформирован социологами и преподавательницами некоторых других направлений бывшего гуманитарного факультета. И для 1998 г. мой курс был инновационным. Он длился два семестра. В первом семестре он назывался «Введение в гендерные исследования: Женщины», во втором – «Введение в гендерные исследования: Мужчины». Моя задумка состояла в том, чтобы к изучению мужского опыта приступать только после прохождения курса по исследованию женщин и женского.

В 2000 г. мы получили грант от фонда Сороса «Открытое общество» на организацию круглых столов, приглашенных лекций и т.п. Так мы начали работу гендерного центра. Изначально это была неформальная группа докторанто_к и магистранто_к, которые участвовали в моих курсах по гендерным исследованиям. Мы организовывали просмотры фильмов, приглашали интересных гостей, проводили вечерние мероприятия для тех, кому это было интересно. И поскольку наша группа стала довольно заметной на факультете, декан обратился ко мне с просьбой подготовить материалы для аккредитации программы по гендерным исследованиям, дисциплинарно связанной с социологией. Идея состояла в том, чтобы создать программу магистерского уровня. Но уже в ходе подготовки к аккредитации руководство факультета решило, что стоит делать бакалаврскую программу по гендерным исследованиям. Первый набор на программу состоялся в 2004 г. И с этого времени на факультете социальных наук в Масариковом университете существует бакалаврская программа по гендерным

исследованиям. Институционально она является частью департамента социологии, но мы набираем студенто_к именно на гендерные исследования.

Рассматривая этот процесс с сегодняшней перспективы, я понимаю, что решение декана и представителей факультета зарегистрировать бакалаврскую программу было прагматическим: им нужно было привлечь больше студенто_к и гендерная программа была одним из способов. Но как только мы достигли того количества студенто_к, которое было нужно, развивать программу стало все сложнее. Эти сложности преследуют нас до сих пор. И ситуация значительно ухудшилась начиная примерно с 2011 г. Я связываю это с рядом причин, включая неолиберальный подход к политике и академии, уменьшение количества студенто_к, выбирающих социальные и гуманитарные науки, и снижение требований к курсам этого направления. Гендерные исследования вызывают наибольшее подозрение в этом контексте, потому что они чаще воспринимаются как идеология и политика, нежели как академическая дисциплина. Это только стимулирует снижение спроса, как это часто обсуждается в дискуссиях о развитии программы. На гендерные исследования нет денег, там нет студенто_к, и поэтому оппоненты часто настаивают на закрытии программы.

– Какие процессы происходили в Праге параллельно с развитием гендерных исследований в Брно?

– Примерно в то же время, когда была аккредитована наша программа, в Карловом университете в Праге открылась магистерская программа по гендерным исследованиям. В отличие от нашей программа в Праге является частью факультета гуманитарных наук, который организован на других основаниях, по принципу *liberal arts*. На бакалаврском уровне студент_ки могут сами выбирать предметы и дисциплины для изучения и только на магистерском уровне должны определиться с дисциплинарной специализацией. Таким образом, гендерные исследования в Карловом университете возникли в качестве отдельного департамента, что не совсем обычно для нашего контекста, где департаментов обычно мало и они организованы вокруг очень широких тем. Тем не менее им удалось собрать вокруг себя небольшую, но очень интересную группу. К тому же программа предлагает отдельные курсы и на бакалаврском уровне. Таким образом, это единственная магистерская программа по гендерным исследованиям в Чехии, а мы в Брно единственная бакалаврская программа по ГИ. То есть на настоящий момент в Чехии только две институционализированные программы по гендерным исследованиям. На некоторых департаментах и факультетах преподаются отдельные курсы, но это часто зависит от наличия мотивированного человека, готового сражаться за включение гендерных курсов в учебный план университета.

– Ты упоминала поддержку фонда «Открытое общество» в организации визитов приглашенных лектор_к. Были ли еще какие-то источники финансовой или ресурсной поддержки, которые стимулировали развитие гендерных исследований в Чехии? Или это был скорее прагматически ориентированный процесс, когда ГИ развивались исходя из логики привлечения студенто_к, о чем ты сказала ранее?

– В отношении Гендерной библиотеки в Праге следует упомянуть имя профессорки Энн Снитов (Ann Snitow) из Сети женщин «Восток-Запад» в Нью-Йорке. Эта организация также была донором, в основном она финансировала библиотеку, покупая книги и делая их доступными студент_кам. Но я также благодарна Энн и ее команде за персональную и индивидуальную поддержку. Она была моей личной менторкой и представила мне гендерные исследования за пределами того курса, который я проходила в 1992 г. В 1996 г. я участвовала в Летней школе по демократии и разнообразию в Кракове, организованной Новой школой социальных исследований из Нью-Йорка. Затем я провела там год на стипендии. И Энн давала мне личные уроки по гендерным исследованиям. Во время моего годичного пребывания в США я участвовала и в других гендерных курсах. Этот опыт потом аккумулировался и нашел отражение в моем собственном преподавании гендерной теории в Чехии. Я также получала финансирование от Сороса на развитие учебного плана в форме гранта в рамках Программы поддержки высшего образования (Higher Education Support Programme, HESP), который позволил мне купить книги и пригласить лектор_к на два моих курса по гендерным исследованиям, начавшихся в 1998 г. после моего возвращения из США в Чехию.

Еще одной инициативой, которая помогла нам консолидировать группу вовлеченных в гендерные исследования людей, была серия однодневных семинаров для учитель_ниц средних школ, опять же поддерживаемая Соросом на протяжении 3–4 лет. Три или четыре раза в год школьные учитель_ницы приглашались на воркшопы, проводимые приглашенными лектор_ками, которых мы позиционировали как гендерных эксперто_к. Эти мероприятия не имели прямого отношения к гендерным исследованиям в университете, но я пыталась организовывать их как совместные встречи и приглашала туда своих студенто_к. Одна из моих выпускниц участвовала в этих воркшопах вместе со своей матерью, которая была приглашена туда как учительница. Сейчас эта бывшая студентка является главной редакторкой единственного в Чехии академического журнала с фокусом на гендерных исследованиях, издаваемого в Праге². Журнал аффилирован с департаментом гендера и социологии Института социологии Чешской Академии наук. Это исследовательское подразделение по-

² Имеется в виду журнал «Gender a vyzkom/ Gender and Research» («Гендер и исследования») (<http://www.gendersonline.cz/cs>).

явилось в конце 1990-х – начале 2000-х гг., и часть людей, которые были связаны с нашей гендерной программой в Брно, сейчас являются сотрудни_цами этого департамента.

Еще одним недавним примером развития гендерных исследований в Чехии является Национальный контактный центр по гендеру и науке при Академии наук. Они делают великолепную работу. Центр в большей степени ориентирован на исследования и развитие профессиональных сетей, и в последние годы они были достаточно успешны в привлечении денег ЕС и участии в международных инициативах.

Надеюсь, я никого не забыла. Но мне кажется, что Энн Снитов и ее Сеть женщин «Восток-Запад» и Джордж Сорос были ключевыми фигурами.

– Центр гендерных исследований и бакалаврская программа по ГИ в Брно существуют уже более 10 лет. Видишь ли ты эволюцию в темах, с которыми работают люди, или речь скорее о преемственности и продолжении традиций?

– С институциональной точки зрения события, которые произошли в последние 10 лет в отношении Центра и программы, следует скорее охарактеризовать как вырождение. Но с точки зрения тем, с которыми мы работаем, конечно, можно говорить о развитии и эволюции. Поскольку наша команда маленькая, темы, с которыми люди работают, часто зависят от их личных исследовательских интересов. С одной стороны, у нас есть ряд исследовате_лиц, которые специализируются в эмпирических полевых исследованиях, собирая информацию о социальных проблемах и кейсах. С другой, в нашей команде есть и теоретики, которые чувствуют себя вполне комфортно рядом с крупными феминистскими теоретиками, работающими за пределами региона.

Интересы нашей исследовательской команды так же множественны и разнообразны, как сама феминистская теория. Но важно отметить, что в Брно мы очень поддерживаем и культивируем нашу дисциплинарную принадлежность, которой, напомним, является социология. Конечно, гендерные исследования являются междисциплинарной областью, где есть место литературным исследованиям, исследованиям медиа, социолингвистике и т.п. Но мы приняли решение, что, поскольку мы маленькая команда, для нас важно оставаться в рамках социологической традиции. Это, с одной стороны, ограничивающий фактор, но, с другой стороны, это создает наш особенный профиль в поле ГИ. В реальности, я думаю, мы работаем с теми же темами и подходами, которые развиты в ГИ повсеместно.

Наше новое поле, или новая сфера концентрации усилий, – это изучение постсоветского опыта, который, мы думаем, сложно понять с западной перспективы. Поэтому несколько исследовательниц здесь в Брно, не все из которых связаны с ГИ, приступили к серьезному осмыслению и теоретизации постсовет-

ского. Для нас эти исследования связаны в первую очередь с попыткой понять локальный откат назад в вопросе осмысления гендерных проблем, который мы рассматриваем в контексте более широких тенденций, видимых сейчас в Европе, таких как рост популизма, все большая видимость праворадикального экстремизма и т.п. И нам кажется, что, находясь так близко к бывшему Советскому Союзу и России, у нас есть иная, более критическая перспектива в отношении этих процессов, чем у людей, социализированных на Западе и получивших образование в западных университетах.

Вот этот исследовательский профиль в последние годы становится сильнее. Например, моя коллега Катержина Недбалкова (Kateřina Nedbálková) исследует класс и специфическое значение этой категории в сегодняшнем чешском обществе после периода так называемого «бесклассового общества», который был у нас до 1989 г. Другая коллега, Катержина Лишкова (Kateřina Lišková), изучает дискурсы сексуальности, ее нормализацию советским режимом и последствия этого для понимания сексологии как науки и сексуальности как практики после распада Советского Союза. Еще один пример – Славомира Ференчугова (Slavomíra Ferencuhová) из департамента социологии, которая хотя и не является частью нашей гендерной команды, но очень чувствительна к гендерным вопросам и работает с темами урбанизма и города. Славомира рассматривает влияние географии в конструировании и производстве гендера, исследует урбанизм во времена социализма и изучает, как социалистическое городское планирование все еще задает режим нашей повседневности, т.е. как городское пространство, созданное в одних социально-экономических условиях, продолжает определять повседневные практики, проживаемые в совершенно иной реальности.

– Ты упомянула, что с 2011 г. развитие программы по ГИ в Брно происходит в сложных условиях. Расскажи, пожалуйста, какие процессы происходят вокруг программы на протяжении всего периода ее существования.

– На текущее развитие программы оказывает влияние несколько факторов. Прежде всего произошли изменения на посту декана. Те, кто пришли на смену, оказались более подвластными неолиберальной повестке и связанным с ней идеям о финансировании университета и зависимости между финансовой состоятельностью и теми исследовательскими темами и проектами, которые следует развивать в университете. В этом контексте очень сильный акцент стал делаться на то, насколько гендерные исследования способны самостоятельно заработать на свое существование в рамках университета. И это касается не только нашей программы. Есть еще 3–4 небольших учебно-исследовательских направления, существование которых находится под вопросом в силу схожих тенденций. Но что отличает ГИ от этих других направлений – это их политическая ангажированность. Новое руководство факультета более консервативно, и я должна отметить, что даже внутри департамента социологии, к которому

мы относимся, существует идеологическое разделение, которое влияет на восприятие гендерных исследований. Таким образом, в конечном счете в своей деятельности мы вынуждены руководствоваться не общественными интересами и ориентацией на темы, которые нуждаются в исследовательской рефлексии, а потребностями рынка, т.е. категориями спроса и предложения. Если студенты не проявляют к нашей программе интереса, это интерпретируется как неумение работать с социально значимыми темами.

Общество тоже изменяется. Выпускники школ приходят в университет с вопросом: «Где мы будем работать с дипломами в гендерных исследованиях?» Я понимаю их сомнения, но эти сомнения часто используются против дисциплины в целом. Наши выпускники обычно находят работу довольно быстро – обязательно в гендерных институтах, поскольку таковых немного, но знания, которые мы даем, довольно универсальны, их можно применить в очень разных сферах. Тем не менее именно с этим аргументом – о занятости после окончания университета – нам приходится сталкиваться чаще всего.

Эти аргументы используются в контексте, когда высшее образование в целом очень сильно изменяется под влиянием демографического фактора: молодых людей в принципе становится все меньше. Поэтому и спрос на образование падает. Каждый год мы наблюдаем уменьшение заявок на прием в университет. Также изменилась атмосфера в обществе: оно радикализировалось в последнее время, возросли популистские тенденции, мне кажется, это тоже делает высшее образование, особенно в гуманитарных и социальных науках, менее популярным среди потенциальных абитуриентов.

Более того, в 2017 г. в Чехии вступил в силу новый закон о высшем образовании, который «забыл» принять во внимание существующую во многих университетах систему изучения двух дисциплин одновременно. Как я упоминала, я изучала английский и социологию, и такое совмещение двух областей знания считалось нормальной практикой при поступлении в университет. Эта система существует не только на нашем факультете, но и на факультете гуманитарных наук, педагогики, экономики. В этой системе ты изначально изучаешь две дисциплины, но финальные тезисы пишешь в одной из них. И тогда на магистерском уровне ты обычно продолжаешь работать уже в рамках именно этой одной дисциплины. Новый закон забыл о существовании этой системы. В результате в течение очень короткого периода университету придется сократить число предлагаемых программ. Поэтому сейчас мы в центре полемики по поводу того, есть ли в университете место для таких маленьких программ, как наша, или они должны быть закрыты, чтобы соблюсти принятый закон.

Иными словами, мы имеем дело с комбинацией идеологических, неолиберальных, прагматических и политических решений, которые не всегда дальновидны. Проблема в том, что эти решения часто настолько непрозрачны и нестабильны, что очень сложно выработать какую-то ясную стратегию для вы-

живания. Я считаю, что в прошлом наша программа по ГИ была очень успешна в адаптации к условиям, в которых ресурсов для существования программ, подобных нашей, становилось все меньше. Но сейчас, в том числе в свете неуверенности, которую производит новый закон, таких программ много, а ресурсов мало, и поэтому для нас это очень новая ситуация, в которой мы не знаем, что будет дальше.

– Твое видение отношений между гендерными исследованиями как академической дисциплиной и активистскими практиками?

– В последние два года в Чехии появилась новая институция – Палата гендерных эксперто_к, к которой может присоединиться люб_ая эксперт_ка, имеющая некоторый бэкграунд в гендерных исследованиях или феминизме. Это зонтичная организация, помогающая нам преодолевать различные институциональные и политические сложности. Она объединяет НПО, академический сектор, исследователь_ниц и даже некоторые прогрессивные государственные институты. Нам кажется, что особенно сегодня, в ситуации участившихся популистских атак, очень важно кооперироваться на этом уровне.

Однако мы всегда старались работать с НПО в зависимости от конкретных проектов и интересов. Например, в Брно есть одна влиятельная организация под названием «Nesenhutí», очень сильная в экологических вопросах, но также имеющая устойчивую позицию и видение работы с женскими правами. Несколько человек там являются нашими выпускни_цами, и мы также приглашаем их выступать в рамках наших курсов. Это взаимодействие очень прямое и персональное: мы хорошо знаем друг друга и отправляем наших студенто_к проходить там практику. Это взаимодействие очень органично: оно работает на личных связях и чувстве взаимной поддержки и выгоды.

Я думаю, в Праге это работает схожим образом. В Праге больше гендерных НПО, которые имеют более разнообразный профиль и занимаются такими проблемами, как насилие, торговля людьми и др. В целом мы достаточно открыты, в том числе в отношении организаций, которые не определяют себя как феминистские, что, конечно, вызывает определенные проблемы. Но мне кажется, сейчас такая новая атмосфера, которую феминистки западных демократий понимают достаточно хорошо, но которую мы до сих пор не видели так же четко, как они, – это представление о силе сестринства и женской солидарности. Мне кажется, мы стали понимать эту идею только в последние годы в контексте нехватки ресурсов для реализации гендерных программ на всех уровнях.

Одно время в Чехии был очень просвещенный министр по правам человека, для которого гендерное равенство было частью компетенций и который вместе со своей командой многое сделал для того, чтобы институционализировать на государственном уровне специальный орган, непосредственно занимающийся проблемами гендерного равенства. Но этот министр больше не работает в своей

должности, и его департамент тоже испытывает проблемы. Иными словами, в Чехии был период, когда государство было очень прогрессивным и мы воспринимали его как нашего союзника. И хотя сотрудничать с государством всегда сложно, потому что это предполагает соблюдение многих процедур и большинство из них осуществляются очень медленно, все же это было время значительного прогресса в гендерной повестке. Но буквально за несколько месяцев до нашего интервью (08.03.2017) этот министр был снят со своей должности и его департамент реально борется за выживание. Сейчас мы чувствуем, что нам следует поддержать этих людей, даже несмотря на то, что отношения между государством, неправительственным сектором и академией всегда довольно сложные.

– Говоря о политике в более широком смысле, сложно не отметить, что контекст, в котором мы находим гендерные исследования через 20 лет после их возникновения в регионе, довольно депрессивный. Мы наблюдаем патриархатный и популистский откат, о котором ты несколько раз говорила. Как ты видишь отношения между гендерными исследованиями и политикой и между твоей собственной исследовательской работой и политическим полем Чехии?

– Я думаю, это большая загадка! Что еще более загадочно, так это происходящие в традиционных демократиях процессы. Изначально мы думали, что откат в области феминистских политик, экологии, миграционной политики, который мы наблюдали в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, был обусловлен особенностью процесса демократизации в регионе, который, казалось нам, произошел слишком быстро, чтобы обычные люди успели осознать его и научиться с ним жить. Но сейчас мы видим, что этот откат касается не только Центральной Европы. То есть, возможно, общество меняется быстрее и радикальнее, чем люди успевают осознать и принять. И фрустрации, вызванные этими изменениями, становятся публичными, чем, к сожалению, быстро начинают пользоваться популистские политики для продвижения своей повестки.

На мой взгляд, понадобятся десятилетия исследовательской работы для того, чтобы понять, что сейчас происходит в США, Британии, Франции и повсеместно. Сейчас мы пишем заявку на поддержку исследовательского проекта, который является попыткой понять, что происходит и что стоит за этими процессами, не только с точки зрения гендерного равенства, но и в связке с другими проблемами, как, например, так называемый «миграционный кризис», где требовался такой высокий уровень принятия разнообразия, что для людей и политиков оказалось почти невозможным переварить это. Те публичные заявления, которые еще несколько лет назад считались политически некорректными (например, открытая атака на гомосексуальность или гендерное равенство), сейчас становятся частью мейнстрима. Они больше не являются экстремистской ритори-

рикой, но занимают видимое и значимое место в общественном дискурсе. Мы как социальные исследователь_ницы очень растеряны, но и заинтригованы одновременно. И поскольку мы привыкли работать в международной команде, я думаю, что необходимость понять происходящее именно с интернациональных позиций станет движущей силой будущих исследовательских проектов.

Что касается моего собственного опыта, я являюсь членом двух экспертных советов в чешском правительстве, один из которых работает с вопросами равных возможностей и гендерного равенства. В этот совет входит около 50 человек, несколько рабочих групп и подкомитетов, и я руковожу рабочей группой по маскулинности. Но, хочу заметить, я не участвую напрямую в политическом процессе, не предлагаю политических решений, это было бы слишком амбициозно, поскольку я не политик. Но я предлагаю свои знания и свое свободное время. Я делаю это вне рабочего времени, так как это считается не работой, а почетной функцией. Четыре раза в год я еду в Прагу и пытаюсь написать там небольшие отчеты по темам, которые кажутся нам релевантными с точки зрения гендерного равенства и проблем маскулинности в чешском обществе. Я также член похожего комитета, работающего с вопросами репродукции и родовспоможения в Чехии. Это очень горячий вопрос для чешского общества, он очень гендерно нагружен и включает разные, часто противоречащие друг другу подходы.

Это моя собственная включенность в политический процесс на уровне государства. Но я очень осторожна в том, чтобы позиционировать себя как гендерную экспертку. Когда ты делаешь гендерные исследования, ты в любом случае участвуешь в политике. Возможно, мое политическое участие иногда немного интенсивнее, чем мне бы этого хотелось, но я думаю, что политический активизм – важная часть гражданской идентичности. Тем не менее я очень осторожна в том, чтобы не быть воспринятой исключительно как экспертка, вырабатывающая советы для политических решений.

– Завершая интервью, я бы хотел задать вопрос о солидарности. Ты упоминала, что власть сестринства, или женская солидарность, – это что-то, что мы только сейчас начинаем понимать. Как ты оцениваешь солидарность между гендерными исследователь_ницами в Чехии, но также в регионе Центральной и Восточной Европы в целом?

– Я думаю, что мы в Чехии должны будем работать намного интенсивнее для поиска союзниц и укрепления наших связей в регионе. В Чехии и, я думаю, в постсоциалистических странах в целом уровень гражданского активизма очень низкий – мы во многих смыслах очень пассивны, когда дело касается не только борьбы за права, но и более важных вопросов. И это также актуально в отношении организаций, вовлеченных в гендерные исследования. Система заставляет нас быть очень занятыми и не оставляет времени на кооперацию. Как я упоминала, есть функции, которые я выполняю в свое свободное время, при

этом работа в академии предполагает очень большую загруженность. Поэтому остается очень мало времени на личную жизнь и сотрудничество. Нужно менять эту тенденцию как на локальном уровне, так и в международном контексте.

В начале периода формирования ГИ в Чехии влияние западных академиков было очень сильным. Но сейчас, мне кажется, становится все более важным сотрудничать с коллегами из региона. На мой взгляд, наше сотрудничество с Польшей – хороший пример здесь. Оно институционализировано через Эразмус и некоторые гранты Вышеградского фонда, направленные на совместное преподавание курсов по темам, имеющим отношение к региону. Варшавский университет проделал отличную работу по развитию такого сотрудничества. Однако все равно чаще всего мы встречаемся благодаря более крупным международным событиям, мы встречались в Швеции, в Швейцарии, мы редко проводим региональные встречи. По моему мнению, региональное взаимодействие имеет большой потенциал, и нам нужно стараться изменить сложившуюся ситуацию. Например, мы очень плохо представляем, что происходит в Беларуси, Украине или других странах региона, поэтому я очень поддерживаю инициативы, направленные на изучение и картографирование общего и различного в наших странах. Я думаю, сейчас это очень нужно: нам следует узнавать больше о том, что происходит за пределами наших стран, и мы должны общаться друг с другом больше. Но временные и финансовые препятствия усложняют задачу. У нас, например, нет денег, чтобы встретиться в Варшаве. Скайп не всесилен!

– Могу ли я попросить тебя еще раз посмотреть в прошлое и будущее: в какой момент гендерные исследования в Чехии были особенно успешными и какие приоритеты, вызовы и сложности ты ожидаешь в будущем?

– Нам нужно стать более открытыми и понятными для широкой аудитории, не только для студенто_к. Нам нужно найти язык и средства коммуникации с людьми, которые находятся в поиске ответов и позиция которых очень уязвимая, т.е. с теми, кто очень подвержен популистским влияниям. Это очень сложная задача, и у нас нет predetermined компетенций, чтобы это делать. Мы занимаемся гендерными исследованиями, мы преподаем, но сейчас нам нужны посредники или специалист_ки, которые могли бы доносить наши послы до более широкой общественности. Эту тему мы недавно обсуждали на встрече нашей зонтичной организации: как доносить сложные проблемы в понятной, упрощенной форме, но сохранять при этом гендерную, феминистскую повестку. Я думаю, не все зависит от нас. В Брно у нас очень сильная и компетентная команда, мы делаем исследования высокого класса и имеем отличные публикации (я говорю не столько о себе, сколько о своих коллегах), но при этом мы все равно остаемся непризнанными. Основной оптикой является взгляд извне – будет ли наша работа признана на международном уровне или нет, и я остаюсь пессимистичной по поводу того, что эта ситуация когда-то изменится.

Что касается тем, то я уже упоминала мою коллегу Катержину Недбалкову, которая начала исследование по поводу категории класса в чешском обществе. Я думаю, что тема социального неравенства, где гендер рассматривается не как уникальная, а как интерсекциональная категория, – это та тема, с которой нам нужно больше работать. Как класс или статус пересекаются с гендером и этничностью? По сути, это возвращение к очень базовым социологическим категориям и вопросам, но мне кажется, у нас образовалась своего рода пропасть в понимании и работе с концептуальной сложностью, стоящей за этими категориями. Таким образом, одно из направлений – это изучение социального неравенства в широком смысле и исследование того, как гендер работает в этих условиях. И другая тема, которую я уже упоминала, – как понимать популизм. Или, другими словами, как оставаться на волне событий, как использовать актуальные темы и как реагировать на происходящее, используя научное знание. Конечно, это очень новая ситуация, а мы привыкли делать исследования медленно, чтобы аккуратно анализировать данные. Но сейчас нам нужно реагировать очень быстро и быть включенными в общественные дискуссии. У меня нет рецепта того, как это нужно делать, но я думаю, что мы должны больше работать в этом направлении.

8 марта 2017 г.
Брно – Варшава